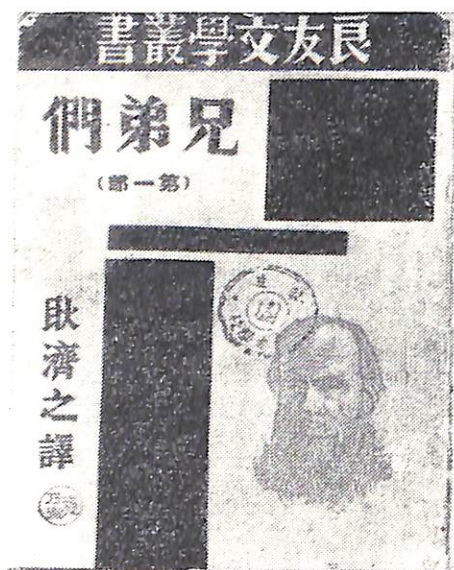
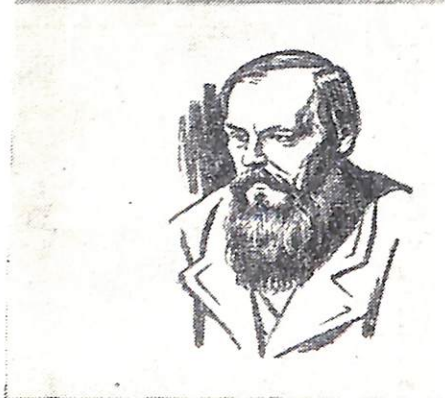

Обложка китайского журнала «Зарубежная литература» с портретом Ф. М. Достоевского (вверху).

«Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского на китайском языке.

русских писателей, их высокий гуманизм, демократичность, гражданский пафос и социальная направленность нашей литературы. Исключительное значение русской классики для становления и развития новой китайской литературы, для китайских писателей и читателей с наибольшей ясностью и определенностью подчеркнул Лу Синь. В своей известной статье «Приветствую литературные связи Китая и России» (1932) он писал о том, что знакомство китайской молодежи с произведениями русской литературы «явилось величайшим открытием, равным открытию огня, когда первобытные люди научились варить себе пищу, когда мрак ночи осветился ярким пламенем... Русская литература раскрыла перед нами прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу».

В особенно широких масштабах стали переводить произведения русских писателей в Китае и изучать их творчество после Великой Октябрьской социалистической революции и начавшегося под ее непосредственным влиянием антиимпериалистического, демократического «движения

оказалось прикованным к России, к русской литературе. А поскольку в китайском обществе, где так много мрачного и трагического, люди искали новых путей в жизни, их сердца не мог не взволновать неслыханный доселе грохот крушения старого общества. Все заинтересовались Россией, а русская литература стала ориентиром для китайских писателей».

Первым произведением Ф. М. Достоевского, переведенным на китайский язык, был рассказ «Елка и свадьба», опубликованный в 1920 году в одном из наиболее читаемых в ту пору в Китае журнале «Дунфан цзачжы» («Восток»). В кратком предисловии от переводчика, в частности, говорилось: «Достоевский (1821—1881) — один из трех гигантов новой русской литературы, чье имя стоит рядом с прославленными именами Тургенева и Толстого... Его литературное наследие проникнуто ярчайшим гуманизмом, в его произведениях описывается главным образом жизнь людей социального «дна». Психологический анализ — отличительная особенность его творчества...».

Вслед за «Елкой и свадьбой» на китайском языке появились другие творения русского художника, которые публиковались в многочисленных журналах и сборниках. В 1921—1935 годах, например, китайская читающая публи-

ДОСТОЕВСКИЙ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Н

АЧАЛО XX века — время бурного распространения в Китае русской классики. Раньше всех туда пришли басни И. А. Крылова — вопреки всем трудностям перевода этого жанра на иностранный язык. Затем стали появляться переводы произведений Л. Толстого, Пушкина, Горького, Лермонтова, Чехова, Гоголя. На первых порах произведения русских классиков переводились только с языков-посредников — английского, немецкого и японского. Лишь в самом конце 10-х годов Гэн Цзи-чжи и Цюй Цю-бо начали переводить русскую классику с языка оригинала.

Передовых деятелей китайской культуры привлекали реализм

4 мая» 1919 года. «Изучение русской литературы приобрело в Китае широкий размах, — отмечал в те годы Цюй Цю-бо, впоследствии видный деятель КПК, пропагандист марксизма и известный литератор. — В чем причина этого? В результате красной большевистской революции в России произошли величайшие политические, экономические и социальные сдвиги, революция всколыхнула весь мир и оказала влияние на идейную жизнь во всех странах. Всем захотелось познать сущность этой революции, ближе познакомиться с культурой России — внимание человечества

ка получила возможность прочитать на родном языке такие повести и рассказы Ф. М. Достоевского, как «Честный вор», «Мужик Марей», «Мальчик у Христа на елке», «Хозяйка», «Роман в девяти письмах», «Слабое сердце», «Белые ночи», отрывки из романов «Идиот», «Униженные и оскорбленные», «Игрок», опубликованные на страницах журналов «Сюэдэн» («Светоч науки»), «Сяшо юэбао» («Ежемесячник новелл»), «Чжэнь мэйшань» («Подлинно прекрасное»), «Сюэшэн цзачжы» («Учащийся»), «Ивэнь» («Переводная литература») и других изданий.

Подлинным событием в литературной жизни Китая явился выход в свет отдельной книгой романа Достоевского «Бедные люди» в переводе Вэй Цун-у (1926). Самое деятельное участие в подготовке книги принял Лу Синь, который сверил перевод, выполненный с английского языка, с японским изданием и предпослал роману краткое введение. В нем Лу Синь показал, что реализм Достоевского и есть та главная причина, по которой гениальный художник приобретал все большую притягательную силу среди прогрессивных китайских писателей, закладывавших в тот период основы новой китайской реалистической литературы — «литературы во имя жизни».

В советском литературоведении отмечалось, что «Достоевский до конца определил свою художественную систему как «реализм в высшем смысле», понимая под этим термином построение литературного произведения на подлинных и конкретных фактах текущей действительности, но с возведением их к широкому философскому оценкам». Подобный подход к действительности, к ее художественному и философскому осмыслению наметился и в творчестве самого Лу Синя, уже выступившего к тому времени с такими этапными для новой китайской литературы произведениями, как

(«Вэйминшэ»). В числе 20 книг иностранных авторов, изданных им за два года, вышли «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные» и «Преступление и наказание» Достоевского.

В последующие годы «Бедные люди» заново переводились в Китае и выдержали по меньшей мере еще восемь изданий. К началу 60-х годов почти все литературное наследие Достоевского было издано на китайском языке. Даже те далеко не исчерпывающие данные, которыми мы в настоящее время располагаем, свидетельствуют об огромной популярности русского классика у китайского читателя.

Так, помимо журнальных публикаций, о которых уже говорилось выше, повесть «Хозяйка» в 20—50-е годы выходила отдельным изданием три раза; «Преступление и наказание» — шесть раз; «Кроткая» — один раз; «Записки из мертвого дома», «Игрок», «Записки из подполья» — по три раза; «Униженные и оскорбленные» — шесть раз; «Маленький герой» — дважды; «Неточка Незванова» и «Братья Карамазовы» — трижды; «Идиот» — пять раз; «Подросток» и «Двойник» — по разу; «Зимние заметки о летних впечатлениях» были изданы впервые в 1962 году.

Кроме этого, в 1953 году в шанхайском издательстве «Вэньгуан шудянь» вышло девятитомное собрание «Избранных произведе-

ства, о воссозданной писателем в его произведениях социальной жизни России второй половины XIX века. Вместе с тем авторы предисловия обращали внимание читателей на противоречивость мировоззрения художника, на проповедь реакционных взглядов.

По мере распространения в Китае произведений Достоевского росло и множилось число работ о нем. В основном это были предисловия и послесловия к переводам, критико-биографические или популяризаторские статьи. Часть из них появилась в 1921 году, когда праздновалось столетие со дня рождения классика, а большинство — в 1956 году, во время широко отмечавшихся во многих странах по решению Всемирного Совета Мира 135-летия со дня рождения и 75-летия смерти гениального писателя.

Рассматривая различные стороны творчества Достоевского, его идейно-эстетические особенности, художественное мастерство, китайские авторы не касались, к сожалению, воздействия русского классика на китайских художников слова — важной проблемы, которая ждет своего исследователя. Но о чем бы они ни писали, какие бы взгляды ни преувеличивали в их оценках, во многих произведениях, созданных ими самими, ощущалось могучее воздействие реализма русского художника.

Но не только творческий метод великого романиста привлекал китайских литераторов. В одной из первых в Китае статей о нем «Взгляды Достоевского» (1922) Шэнь Янь-бин (Мао Дунь) подчеркнул, в частности, что «взгляды Достоевского, при всех их изъянах и недостатках, — яркая вспышка в истории человеческой мысли от глубокой древности до наших дней».

Составитель первого в Китае «Краткого очерка истории русской литературы» (1924) Чжэн Чжэнь-до писал о «всепроникающем духе гуманизма» Достоевского. Цюй Цю-бо, которому раньше многих других китайцев посчастливилось читать произведения русского классика в подлиннике, приходит к заключению, что «Толстой и Достоевский в равной степени велики. Открывшие изумительно яркую страницу в истории мировой литературы, они не могут принадлежать одной только России». Но уже тогда, в самом начале 20-х годов,

В КИТАЕ

М. ШНЕЙДЕР

«Записки сумасшедшего», «Кун И-цзи», «Снадобье», «Завтра», «Подлинная история А-кью», а затем и в трудах других китайских литераторов — его младших современников.

Говоря об участии Лу Синя в подготовке «Бедных людей» к изданию, нельзя не вспомнить о его подлинно подвижническом труде по ознакомлению китайских читателей с русской классикой и советской литературой. Выдающуюся роль в этом благородном деле сыграло, в частности, созданное осенью 1925 года по инициативе Лу Синя литературное общество «Без названия»

ний Достоевского», куда вошли: «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», «Бедные люди», «Записки из мертвого дома», «Записки из подполья», «Игрок», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Избранные повести и рассказы» («Хозяйка», «Скверный анекдот», «Белые ночи», «Кроткая»). В предисловии составители девятитомника отмечали блистательное художественное мастерство русского романиста, глубинную психологического анализа созданных им образов и характеров, говорили о его сочувствии беднякам, о борьбе против устоев буржуазно-помещичьего обще-

молодой китайский революционер и литератор наибольшую противоречивость во взглядах великого русского писателя увидел в романе «Бесы» — «крайне резком осуждении революционной молодежи того времени». Противоречивость эта, по мысли критика, проявилась в том, что, мечтая о светлом будущем для своего народа, Достоевский обрушился с клеветой и политическими обвинениями на революционное движение, направленное против мрачной российской действительности. Скотившись на позиции реакционнейшего славянофильства, писатель полностью отрицал все то передовое и прогрессивное, что содержалось в западноевропейской культуре, объявил русских «народом-богословом», богоизбранным, призванным распространить истину православия во всем мире, впал в мистическую религиозность.

В последующие десятилетия, особенно в 40—50-е годы, китайские исследователи, уже знакомые с ленинским учением о культурном наследии, с достижениями советского литературоведения, смогли более основательно и серьезно оценить все богатство и многообразие творчества Достоевского, более четко разграничить положительное и отрицательное в нем.

Современный китайский литературовед Лу Фань, автор статьи «Достоевский» (1956), признавая противоречивость мировоззрения великого художника-реалиста, видел его неоспоримые достоинства в безграничном сочувствии обездоленным, в ненависти к эксплуататорам, в глубоком художественном осмыслении социальных противоречий современной ему России, в мастерском проникновении во внутреннюю жизнь своих героев. Все это, заключил Лу Фань, «делает наследие Достоевского блестящим вкладом в сокровищницу мировой культуры».

Оуян Вэнь-бинь, автор единственной пока в Китае небольшой книги, целиком посвященной гениальному художнику, — «Достоевский и его произведения» (1956), как бы подытожил все, что написано в Китае о русском классике на протяжении трех с половиной десятилетий. Свою задачу исследователь видел в том, чтобы, проанализировав противоречивость взглядов писателя, критически оценить и усвоить все полезное из его богатейшего наследия и таким образом сделать его подлинным достоянием китай-

ского народа. Выдающееся место Достоевского в истории мировой литературы, непреходящая идейно-эстетическая ценность его произведений обуславливаются, по мнению автора, не только социальной заостренностью их проблематики, но и тем, что «писатель принес с собой новый литературный стиль, новый литературный язык». «Его реалистическая манера письма, — продолжал исследователь, — и огромное по силе эмоционального воздействия художественное мастерство помогают читателям разглядеть правду и возбуждают в них протест против социальной несправедливости».

Как уже сказано, «Зимние заметки о летних впечатлениях» в переводе Мань Тао были последним по времени произведением Достоевского, вышедшем в Пекине в 1962 году. Вступительная статья переводчика к книге тоже оказалась последней китайской работой о русском писателе. Автора статьи привлек разоблачительный пафос «Заметок», та критика, с которой Достоевский обрушивается на капиталистический строй. Но от исследователя не укрылось и то, что бичевание Достоевским язв капитализма, разоблачение лицемерия буржуазной демократии, описание страданий трудящихся ведутся зачастую с позиций славянофильства. Отсюда — замалчивание нарастания революционного движения пролетариата, отрицание неизбежности социальной революции, а с другой стороны, провозглашение — во имя «спасения» русского народа — отказа от борьбы, проповедь религиозного смирения. Мань Тао полагал, что наряду с другими произведениями писателя, давно и хорошо известными в Китае, «Зимние заметки о летних впечатлениях» помогут китайскому читателю глубже разобраться в творческом наследии Достоевского, в истоках его идейных заблуждений.

Распространение произведений и изучение творчества Ф. М. Достоевского в Китае плодотворно продолжались более четырех десятилетий. Но процессы приобщения китайского народа к мировому и национальному классическому наследию, равно как и развитие современной китайской культуры, литературы и искусства, к середине 60-х годов были прерваны.

Политика нынешнего китайского руководства привела к самоизоляции Китая от лучших достижений мировой культуры.

Китайские пословицы и поговорки

*Большая лепешка
рот закрывает.*

*

*Большую ссору
превращай в маленькую,
маленькую — в ничто.*

*

*Бывает
только неправильный путь,
но не бывает
безвыходного положения.*

*

*Два слова:
мир и спокойствие —
стоят
тысячи слитков золота.*

*

*В Поднебесной империи
нет ничего труднее,
чем поест.*

*

*Когда волков много,
мяса мало.*

*

*Еще и огонь в твоей лампе
не разгорелся,
а ты уже хочешь
спалить небо.*

*

*Жизни — есть предел,
знаниям — нет предела.*

*

*Если крылья коротки —
не летай к солнцу.*

*

*И в вороньем гнезде
рождаются фениксы.*

ТАМ, ГДЕ ПАСУТ БУЙВОЛОВ

ДЭВИД ДЖ. МЭНДЕЛЬБОМ

ПОСЛЕ прокладки дорог через плоскогорье Нилгири в начале XIX века тогда часто становились жертвами занесенных чужеземцами болезней, и численность населения стала резко сокращаться. К 1941 году их осталось всего 630 человек. От полного вымирания племя было спасено благодаря счастливой случайности: известный антрополог Питер, принц датский и греческий, приехавший в Нилгири изучать жизнь тогда, решил предотвратить угасание племени и обратился к муниципальным властям штата Мадрас с просьбой выделить для тогда и трех других племен Нилгири передвижную амбулаторию. А один из клубов в Утакамунде отпустил денежные средства на содержание палаты для тогда в местной больнице.

Результаты не заставили себя долго ждать. Если раньше почти половина детей не доживала и до годовалого возраста, то начиная с 1963 года детская смертность пошла на убыль. Болезни, в прошлом смертельные, не представляют теперь опасности для жизни тогда.

Большую роль в организации медицинского обслуживания племени сыграла Ивам Пилджайн —

одна из немногих женщин тогда, получивших образование. С детства мечтала Ивам стать медсестрой. После первоначальной практической подготовки в больнице ей удалось продолжить свое образование в Англии. Через некоторое время она получила от своего друга письмо, к которому была приложена копия доклада Питера о вымирании племени тогда. Новость ошеломила ее. Не колеблясь, она покинула Лондон и поехала домой.

Там уже действовала передвижная амбулатория, но в ней не было вакансии медицинской сестры. Тогда Ивам стала добровольной ассистенткой врача и работала бесплатно в течение полутора лет. Однажды на митинге в Мадрасе она заговорила с премьер-министром Индии, ныне покойным Джавахарлалом Неру, и рассказала ему о том, что последовала его призыву «работать в сельской местности», обращенному к получившей образование молодежи, но что ее труд никак не оплачивается. Вскоре Ивам Пилджайн назначили старшей медсестрой амбулатории.

Премьер-министр не забыл медсестру из племени тогда. Несколько лет спустя, когда Неру приехал во время своего отпуска в Нилгири, он пожелал еще раз увидеть Ивам. Расспросив ее о жизни тогда, он задал вопрос: как она относится к брачным обычаям племени, к бытующему до сих пор у тогда мно-

гомужеству. «Никак», — ответила Ивам. «Почему никак?» — удивился премьер-министр. «Потому что они открыто делают то, что так называемые цивилизованные народы делают втайне. Они поступают более честно», — сказала Ивам. Неру немного подумал, потом улыбнулся и, не сказав ни слова, пожал ей руку.

Поначалу тогда недоверчиво относились к медицине, надеясь спастись от болезней при помощи амулетов, чар и лекарственных трав. Все изменилось, когда тяжело заболела двоюродная сестра Ивам, которая вот-вот должна была родить ребенка. Ивам немедленно отправила ее в больницу, и, когда сестре нужно было сделать переливание крови, Ивам отдала свою кровь. Ночью к дому медсестры пришел муж больной, возмущенный тем, что она увезла его жену. В ярости он начал бить оконные стекла и потребовал вернуть ему жену: если ей суждено умереть, пусть умрет достойной смертью в родном доме. Ивам отказалась выполнить его требование, и разъяренный муж вынужден был убраться восвояси. Однако через несколько часов ей пришлось самой отправиться к нему, так как докторам срочно требовалось согласие мужа на операцию больной. Ивам пошла через лес, с трудом отыскивая в темноте знакомую тропинку. Тогда считают, что в ночном лесу путника подстерегает множество опасностей — как звери, так и сверхъестественные существа, поэтому смелость и решимость Ивам настолько поразили мужа роженицы, что он дал свое согласие на операцию. Наутро, когда он увидел жену и новорожденного сына, он на радостях оповестил все племя о том, что Ивам спасла жизнь двум тогда, отдав им свою кровь.

Теперь, когда в селение тогда приезжает передвижная амбулатория, к ней со всех сторон стекаются люди. Соплеменники так уважают Ивам, что старейшины нередко приглашают ее на свой совет, когда необходимо разрешить какой-нибудь особенно сложный вопрос. А однажды Ивам побывала в храме, куда до нее не ступала нога ни одной из женщин тогда: старейшинам срочно потребовалась помощь медсестры, когда один из мужчин упал без сознания в стенах святилища.

Нарушение былой взаимозависимости племен Нилгири отразилось на племени кота в значи-

Сокращенный перевод главы из книги «Исчезающие народы мира», издание «Национального географического общества» (США). Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 10 за 1971 год.